

* * *

Смерть не нема, и маршами гремит,
И ноты шлет, по радио вещает.
Я двадцать миллионов раз убит,
Меня ничем теперь не запугают.

Как холодно сейчас земле моей.
Ты потерпи, земля, тепло вернется.
Ведь двадцать миллионов журавлей
Несут весну...
Один из них прорвется!

ЛОШАДЬ НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

«Ну трогай, Саврасушка,
трогай...»

Н. Некрасов

Что же такое, ей-богу,
Может, глаза мои врут?
По тихой лесной дороге
Сани по снегу плывут.

Милый Савраска, откуда?
В век телекинопальбы
Видеть тебя – это чудо,
Это подарок судьбы.

Видеть внезапно, моментно:
Катится по лесу воз,
Лошадь скользит монументно
В белое пламя берез.

Что ж ты спокойно так дышишь,
Наледь копытом долбя?
В Красную книгу запишут
Скоро, бедняга, тебя.

Стал выгнул девичью спину.
Стать до чего хороша!
Сила одна – лошадиная
И человечья душа.

Жаль, ты. Савраска, не вечен.
Знать бы в холодный наш век:
Дружбу твою человечью
Заслужит ли вновь человек?
Скорбная времени вежа.
Тронуло сердце до слез
Чудо двадцатого века –
Лошадь средь белых берез.

МИШКА В ЦИРКЕ

А мишка, номер отслужив,
Съев рыбу – вечную зарплату, –
Спит, как котенок, положив
Устало голову на лапы.

Как уголек, темнеет нос,
И дрожь бежит по белой шкуре.
Он только что гантели нес.
По-цирковому физкультура.

Потом «Лявониху» плясал,
Катался на велосипеде.
Ловил мячи, поклоны клал.
Дите еще – служил он детям.

Обычно в сны входил манеж,
И дрессировщик в позументах,
И звонкой россыпью монет –
Привычные аплодисменты.

Но иногда врывалось в сон
Тревожно севера дыханье,
Торосов и морозов звон,
Глухое белое отчаянье.

И он сжимал свой черный нос,
Сквозь зубы стон из горла рвался.
Он мчался к льдине... И от слез
Своих недетских просыпался.

Вот и сейчас опять заснул.
И тот же сон медведю снится:
Он слышит льдов весенний гул,

В штыки на доты и на пулеметы.
И на свинец, хрипя, бежал отец
Без кубарей, а все-таки комроты.

Бил по груди беспомощный бинокль.
Бежал отец, в победу веря свято,
И пятна на груди от орденов
Кричали, что ничем он не запятнан.

За ним бежали режиссер и вор,
И комиссар, поэт, и врач санбата.
Бежали штрафники!..
О, что за вздор!
На смертный бой
шли Родины солдаты.

Не ощущая смерти сгоряча,
Сто мертвецов бежали к черным дотам,
В сто глоток имя яростно крича
Того, кто их послал на пулеметы.

Сто человек, сто судеб, сто сердец...
На эшафот во имя искупленья.
В атаку, в лоб...
И вражеский свинец
Сто приговоров принял к исполнению,
Они лежат, бойцы, к врагу лицом.
К чему слова?

Лежат за то хотя бы,
Чтоб получили дети письмецо
С одной строкою:
«Пали смертью храбрых!»

О вас не пишут песен и стихов,
И я к строке оглядистой прикован,
Хоть памятью о вас, сто штрафников,
До самой смерти
жизнью оштрафован!

За вами тень моя вдогон спешит,
Но в доте щелкнул челюстью патронник...
И пуля так стремительно летит,
Что к сорока, наверное, догонит.

РОДИНА

Одной тебе всегда я верил свято,
И ты меня, прошу, не подведи.
Не маршалы, а мы, твои солдаты,
Тебя от всех напастей оградим.

О, Родина, воспрянь над далью серой,
Смени на взлет свой выхлоп холостой.
Судьба глумится над моею верой,
Израненной, но все-таки живой.

Я как глоток воды ее хватаю
Кровавыми губами в лютый зной,
О, Родина, бескрайняя, святая,
Не стань, молю я, малою землей.

И валит с ног меня в пути неблизком
Одна и та же мысль. И бьет в поддых:
Мы четверть века ставим обелиски,
Когда же вспомним, люди, о живых?

Нет, каждый раз нельзя любить по-разному.
Делю людей я издавна на тех,
Кто славоустит о тебе по праздникам,
И тех, кто к стенке за тебя – в беде.

Я патриот! Какое слово звонкое!
И в песню подходящее, и в стих,
Но так оно затаскано подонками,
Что стыдно его вслух произнести.

И если вдруг к холодному неверью
Приговорит меня к дороге жизнь,
Тогда останови меня, о сердце,
Или само навек остановись!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Взвалил я сумму своих бед
И тронулся в путь преспокойно.
Поэт – не поэт, и не дед,
Я что-то седое такое.

Лаптенки лихие – враздрызг,
Овчина – сегодня в полтыщи...
Унылых таких голодрыг
Поныне в музеях не сыщешь.

Бреду я к себе в полусне,
Бреду, потихоньку, волнуясь.
Дремала Россия во мне,
Дремала, и нате – проснулась.

Сколь шел – я не мерил шаги,
Куражились ветры, как пьяные,
И вытряхнули из пурги
К селенью с названьем Поляна.

Церквенка, вприщур покоясь,
Язвительным зыркнула взглядом,
Я двинулся к ней, торопясь,
Себя успокоив: так надо!

Брехали собаки впотьмах,
Солидно брехали, спокойно.
Какой-то унылый монах
О чем-то гнусавил запойно.

Текло все, как звезды в ночи.
Как старая русская песня.
Старухи,
Совсем как грачи,
Присели на черных ступенях.

Я каждой краюху вручил
В хватисто-цепкие руки.
Кого-то о чем-то просил –
Мне вторили грозно старухи.

Свечной загорается лес –
Все стало легко и лучисто.
И вдруг громыхнуло с небес
– Отдай все!
Отдай все!
Будь чистым!

Какая святая жара
Во мне просыпается глухо.

Я смертно возжаждал добра –
Раздал свои беды старухам.

И стал независим, как князь.
Но что-то с неведомой силой
Ударило в сердце меня,
Ударило – и разбудило.

Все та же постель, та же печь.
Но все же – пределы иные,
Услышал чужую я речь,
Увидел улыбки чужие.

Не смог я ни есть ни спать
И в этот же день окаянный
Ушел я, угрюмый, искать
Селенье с названьем Поляна.

А сзади в холодных шелках
Мое ожиревшее тело
С пустою тоскою в глазах
Мне вслед равнодушно глядело.

1983 г.

* * *

Я уйду от себя...
От тебя мне уйти невозможно.
Затеряюсь в снегах.
Упаду в неприютный туман.
Посажу на дорожку
И для тяжелой недоли дорожной
Суну мыслей горбушку
В пустой и холодный карман.

Я уйду от себя...
Что еще не растратил – растрачу.
Только совесть останется
В нищей холодной суме.
Тишина впереди.
И не хочется верить в удачу...
Это к зиме.

* * *

Женщина, войди тоской в меня,
Как луна в податливые волны.
В темную долину замая,
День исчез в распадке звонкоствольном.

Женщина, исчадие мое,
Рок мой, смысл мой и мое значенье.
Слышу я шаги.
И лес встает
На колени, словно на моление.

Вот она, уже невядалеке,
Сломленная негой и мольбою.
И несет в беспомощной руке
Приговор, начертанный судьбою.

ЛЮБИМОЙ

А ты незряче, ты незряче
Войди в растерзанный вагон,
И пусть заплачет, пусть заплачет
Весенней моросью перрон.

Возьми, любовь, ее в ладони,
Когда, морозная со сна,
Ударит в колокол латунный,
В прощальный колокол луна.

Посоучаствуй ей, участие,
За тягостный ее удел
И понеси ее по счастью,
Как я не смог и не хотел.

Посоучаствуй ей, участие,
Что шла дороною одной.
Отвергнув все на свете счастья,
Чтоб быть несчастною со мной.

Возьми, любовь, ее в ладони,
Когда, морозная со сна.
Ударит в колокол латунный,

В прощальный колокол луна.

А сердце так тревожно бьется –
Ведь расстаюсь, ведь расстаюсь...
И если ты не обернешься, –
Я холодным камнем обернусь.

А ты незряче, ты незряче
Уходишь, лишь себя виня.
И знаю – будь хоть чуть иначе,
Ты не любила бы меня.